

Российский государственный гуманитарный университет
Центр типологии и семиотики фольклора

**Мифологические модели
и ритуальное поведение
в советском и постсоветском
пространстве**

Сборник статей

Москва 2013

ББК 82.3(2Рос=2Рус)я43 + 71я43
УДК 821
М68

*Издание подготовлено при поддержке
Программы стратегического развития РГГУ*

Составитель *А. Архипова*
Дизайн обложки *Е. Югай*

Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. статей / сост. А. Архипова. М.: РГГУ, 2013. 472 с.
ISBN 978-5-7281-1549-6

Опираясь на разнообразный фольклорно-этнографический материал, авторы сборника рассматривают широкий круг вопросов, посвященных изучению советской и постсоветской культуры: возникновение новых советских праздников, ритуалов и магических практик; трансформация религиозных и традиционных мифологических представлений; особенности конструирования образов вещей в разных жанровых образованиях.

Для всех интересующихся историей советской и постсоветской культуры и ее связями с традициями дореволюционной России.

ББК 82.3(2Рос=2Рус)я43 + 71я43
УДК 821

ISBN 978-5-7281-1549-6

© Коллектив авторов, 2013
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2013

Содержание

Сергей Неклюдов. О мифологических моделях в устной традиции.....7

Часть I

«Выше знамя Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина!»

Александра Архипова. К чему снится Сталин: отец народов как мифологический персонаж.....18

Ольга Белова. «Вдруг на горизонте показались два человека: это были Маркс и Энгельс...»: образы вождей в фольклоре 1920–1930-х гг.31

Михаил Алексеевский. Советские вожди в постсоветских политических анекдотах.....42

Tiago Ferreira Lopes. Presidential demigods: Turkmenistan's mythologization of post-soviet politics.....52

Анастасия Астапова. *Бацька, Лука или наш президент* — как зовут Лукашенко?.....61

Элеонора Шафранская. Постколониальный синдром: современные нарративы о Путине в Средней Азии.....73

«...Не пускай шамана и кулака»

Дмитрий Доронин. Советский шаман: между властью карающей и властью-клиентом.....81

Ольга Христофорова. Коммунисты как колдуны и колдуны как партия: рецепция советской власти в старообрядческих общинах Урала.....92

Наталья Комелина. «Подпольники» в Вятском крае: борьба большевиков с сектантами в СССР в 1920–1930-е гг.104

«Религия — опиум для народа»

Андрей Мороз. Красный угол без иконы.....117

Елена Левкиевская. Пасхальная пища как инструмент сохранения религиозной информации в советское время.....126

Дорота Пазио-Влазловская. Новомученики РПЦ: этнолингвистический взгляд извне.....134

Елена Рыйгас. Письма святым: этика и поэтика сакральной коммуникации.....143

Дарья Радченко. Qui prodest: авторы и распространители «святых писем» в медийном дискурсе.....	152
«Новому времени — новые похороны»	
Анна Соколова. Политика и похороны: генезис практики спонтанной мемориализации.....	163
Владимир Овсейчик. Трансформация погребально-поминальной обрядности в советское время: пример белорусов Подвинья....	170
«Бросьте, братцы, богов бояться»	
Наталья Петрова. Апокалиптическая перепись 1937 г.	179
Никита Петров. Как баба в белом войну предсказала: эсхатологические настроения в СССР.....	188
Юлия Буйских. «Если есть этот Бог на свете, то пусть меня накажет...»: представление о Божьей каре в рассказах о поругании святынь в Украине.....	200
«Долой церковные праздники!»	
Константин Годунов. Праздник 7 ноября в 1918–1921 гг. как случай «сакрального перенесения».....	211
Елизавета Жданкова. Кинотеатры в системе агитационных кампаний 1920-х гг.: попытка создания ритуала.....	219
Мария Момзикова. «Северная масленица»: День оленевода в советском и в современном российском контекстах.....	227
Ирина Козлова. «Этот праздничек да не забудется»: выборы в Верховный Совет и творчество советских сказителей.....	238
Анна Юдкина. «Огонь войны» и «огонь мира»: первые «вечные огни» в СССР.....	249
Вадим Лурье. Два города, два праздника.....	258
«Образование — враг мракобесия!»	
Екатерина Ходжаева. Предписания и запреты среди низового состава МВД в контексте жизненного мира профессии.....	268
Марина Байдуж. «Денежный домовый» и его функции в современных мифологических представлениях.....	275
Елена Югай. Потерянная, брошенная и найденная монета: магические и рациональные стратегии в обращении с деньгами.....	284

Часть II

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

Мирослав Борисенко. «Повседневность будущего» в утопических проектах 1920–1930-х гг.	300
Роман Абрамов. Советский кибернетический миф как пример «теории упущенного шанса».....	307
Виктор Шнирельман. Арийский миф в России: содержание и функции.....	315
«Будь бдителен: разоблачай врага под любой маской!»	
Ольга Эдельман. Пуговица и свет в туннеле: фольклор и приемы советской пропаганды.....	326
Николай Гладких, Дмитрий Зубарев, Геннадий Кузовкин. Советские и «антисоветские» фельетоны 1968–1983 гг.	335
Рафаэль Оклер. Миф о враге в трех «К»: Кулешов, Кеннан, Кочетов.....	345
Ивона Жепниковска. «Чапаев» Фурманова и его мифологические коннотации.....	352

«Когда мы были молодыми...»

Дмитрий Козлов. Советский политический миф и деятельность «антисоветских молодежных организаций» 1950-х гг.	364
Анастасия Конохова. «А мы, между тем, начали играть в революцию...»: «марксистское» мышление студенческих диссидентских групп в 1950–1970-е гг.	372

«Знание и труд новый быт нам дадут»

Мария Гумерова. «Борьба за время»: рационализация быта в СССР 1920-х гг.	382
Николай Бабич. Ритуальность списка: порядок упоминания советских руководителей в «Правде» 1945–1953 гг. как индикатор их статуса.....	391
Анна Козлова. «И мне дарили всё всегда — не то, что я хотел»: типология и прагматика детского подарка.....	400
Дарья Скибо. Деньги в процессе развития романтических отношений: формирование правил.....	411

«Гражданин СССР, находясь за границей, обязан помнить...»

Игорь Орлов. Роль табу в советском выездном туризме.....	423
Галина Юзефович. Интеллигент на отдыхе: анатомия курортных сообществ в советской Латвии.....	435
English summaries.....	446
Сведения об авторах.....	464

Трансформация погребально-поминальной обрядности в советское время: пример белорусов Подвины¹

Владимир Овсейчик

В XX в. погребально-поминальная обрядность белорусов Подвины, как и вся народная культура, развивалась в новых условиях и претерпела существенные изменения.

В связи с революционными событиями 1905–1907 гг. на территории Беларуси проходили «похороны-демонстрации» (по определению Н.С. Полищук [Полищук 1991: 26]): преимущественно так хоронили революционеров, погибших во время разгона демонстраций, например во время октябрьских событий 1905 г. в Витебске и Полоцке. 18 октября 1905 г., в день провозглашения манифеста Николая II «О совершенствовании государственного порядка», казачий патруль в Витебске открыл стрельбу по участникам митинга, которые собрались слушать манифест. В итоге 7 человек были убиты, четверо — ранены. На следующий день в ответ собралась 20-тысячная демонстрация протеста, а в день похорон убитых около 40 тысяч человек приняли участие в похоронном шествии [История рабочего 1984: 241].

В этом случае изменения касались преимущественно публичной части обряда — похоронной процессии на кладбище. Она фактически приобретала значимость политической антиправительственной демонстрации. Характерной особенностью гражданских похоронных шествий в Полоцке и Витебске стало пение революционных песен, наличие духового оркестра, флагов, венков и транспарантов, а также широкое распространение материальной атрибутики красного цвета (как революционных символов) [Бич, Манис 1987: 117; История рабочего 1984: 241; 1905 год 1925: 83]. Неотъемлемым элементом гражданских похорон был митинг, который проходил на кладбище или по дороге к месту погребения [Бич, Манис 1987: 117; 1905 год 1925: 83].

В связи с событиями после Февральской революции 1917 г. демонстрации, митинги и манифестации становятся обычным явлени-

¹ Подвинье (Белорусское Подвинье, Поозерье) — историко-этнографический регион Беларуси, занимающий северную часть страны, расположен в бассейне Западной Двины и ее притоков.

ем, и в ходе этих уличных выступлений заметное место отводилось поминовению погибших революционеров. Особенности таких поминовений был их гражданский характер, использование «красной» символики (красный цвет иногда дополнялся черной траурной лентой), наличие оркестра. Так, 10 марта 1917 г. в Витебске произошла демонстрация, которая была посвящена памяти погибших революционеров. Во время нее солдаты приняли новую присягу, а над ними развевался красный флаг с черными буквами: «Вечная память павшим за свободу» [Великая Октябрьская 1957: 137]. Во время первомайской демонстрации 1917 г. в Орше предусматривался митинг около могил «борцов за свободу». Руководство шествием на кладбище возлагалось на специальный исполнительный комитет, а его порядок определяли «депутаты», имеющие на рукаве красную повязку. В шествия участвовал духовой оркестр [Великая Октябрьская 1957: 190].

Похороны-демонстрации и гражданские поминальные ритуалы в период революций начала XX в. не были массовыми, а касались конкретной категории умерших — погибших революционеров — и бытовали в полиэтнической городской среде.

С установлением советской власти в стране формируется новая система праздников и обрядов. Получили распространение публично-гражданские обряды, связанные с революционными праздниками (День Интернационала, День пролетарской революции, День памяти 9 января, День свержения самодержавия, День Парижской коммуны, День Красной армии). В этот период предпринимались попытки внедрить в быт населения и новые семейные обряды: «красные» крестины («октябрины»), «красная» («комсомольская») свадьба. Вместе с ними появился и «красный» погребальный ритуал.

Периодические издания Витебщины 1920–1930-х гг. содержат на своих страницах описания новых погребальных обрядов. Гражданские похороны, как видно из этих описаний, продолжали сохранять структуру традиционного обряда. «Синтаксическая память» о прежнем обряде продолжала определять структуру и последовательность обрядовых действий в новом ритуале. Изменения проявились в содержании, семантике отдельных частей и элементов ритуала. Замена в ряде случаев носила чисто механический характер. Так, в но-

вом ритуале традиционное прощание на кладбище заменяет митинг с торжественными речами, а молитвы и отпевание священником — пение революционных песен и звучание похоронного марша [Клявін 1927: 4].

«Красные» похороны проходили без участия священников. В ряде случаев только эта особенность являлась основным отличием нового обряда от традиционного, при этом факт неучастия священника в погребении был довольно принципиальным и показательным. Это проявилось также в номинативном аспекте нового гражданского обряда похорон. Проведение ритуала по-новому по сути являлось (а потому и называлось) «похоронами без попов» [Клявін 1927: 4; Т-ский 1925: 5]. Характерной чертой гражданских похорон, которые проводились в регионе в 1920-е гг., стало выпадение из обряда тех элементов, которые носили религиозный характер, особенно религиозной атрибутики. Вместо нее стали применять «красную», которая появилась еще во время революции 1905–1907 гг. Так, крест и церковные хоругви заменяли красными флагами и венками [Клявін 1927: 4]. В структуре гражданских погребальных обрядов появилась такая часть, как клятва (или обещание), которую давали присутствующие на могиле умершего [Клявін 1927: 4].

В 1920–1930-е гг. гражданский («красный») обряд похорон не имел широкого распространения и бытовал преимущественно в городской среде. Однако, как свидетельствуют источники, он встречался и в сельской местности [Клявін 1927: 4; Т-ский 1925: 5]. Погребение большей части белорусского населения Подвинья проходило по традиционному обряду. Он иногда дополнялся религиозными ритуалами. Такая практика бытовала даже в семьях большевиков, что с сожалением отмечали корреспонденты того времени [Бачыўшая 1927: 4]. Некоторые элементы «красных» похорон межвоенного периода довольно прочно вошли в структуру гражданского погребального обряда (использование оркестра, гражданская панихида, «красная» атрибутика) и продолжали использоваться в дальнейшем.

На территории Беларуси в первые послеоктябрьские годы сохраняется традиция поминовения погибших революционеров во время митингов и демонстраций, приуроченных к важным государственным праздникам (1 Мая, годовщина Октябрьской революции) [Бя-

лявіна и др. 2002: 574; НАРБ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 46. Л. 69; Г-ч 1927: 2]. В 1920–1930-е гг. траурные митинги проводили исключительно для поминовения погибших в борьбе за установление советской власти. В 1920-е гг. митинги часто проводили в честь героев Гражданской войны, а в 1930-е гг. — в память советских деятелей, которые погибли во время коллективизации. Для таких митингов было характерно возложение цветов и венков, почетный караул, наличие духового оркестра [Праздники и обряды 1988: 271].

Изменения, произошедшие во время Отечественной войны, затронули саму структуру погребального обряда. Ритуал становился более упрощенным и свернутым. Из него исчезли как отдельные элементы, так и целые группы элементов, что было вызвано невозможностью их выполнения в условиях военного времени. Отсутствие возможности изготовить или приобрести необходимые для погребения вещи привело к тому, что хоронили умершего без них. Даже такой принципиальный момент, как погребение покойника в гробу, не всегда был возможным [АИФФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т. 1. Л. 44]. По причине недостатка необходимых материалов для изготовления гроба его иногда делали из подручных (*А були такіє случаи, што без труны маглі хаваць пакойніка? — Былі случаи. <...> Да, були вайной. Збілі сколька, ну жэрдзе, как завецца. Выразалі, збілі, пахаранілі* [Инф. 1]). Выбор времени и места погребения в таких условиях был обусловлен принципом безопасности (*А як вайной харанілі? — Хавалі ціха, баяліся немцы каб не наскочылі* [Инф. 2]). Иногда погребение умершего происходило в лесу [АИФФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т. 1. Л. 44; АИФФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Т. 1. Л. 28].

Трансформации коснулись ритуальных предписаний и запретов. Прежние предписания, многие из которых сохранились вплоть до нашего времени, в период войны не имели такого значения. Так, в белорусской традиции копанье могилы является специфически мужским занятием. Эта особенность вытекала не только из объективного разделения труда между мужчинами и женщинами, но также была закреплена на символическом уровне. Женщины не только не принимали участие в этом деле, но даже их присутствие на кладбище во время копанья могилы было нежелательным [Шпілеўскі 2010: 143]. Отсутствие мужчин во время войны привело к тому, что могилы ино-

гда копали женщины (*Даўна ў вайну дажа бабы капалі яму. <...> А як жа ж, ні было каму. Ні знаю як дамоўі тыя хто рабіў, а сама помню, што бабы капалі* [Инф. 3]). В довоенное время родным умершего запрещалось принимать участие в погребальном обряде. Во время войны этот запрет выполнялся не всегда (*Яму не было выкапаць, некаму было выкапаць. Во, суседка мая, матка памёрла з вайны, а людзей не было. Сама яна яму выкапала і на кладбішчы пахараніла* [Инф. 4]).

Носители традиции, видимо, осознавали несоответствие погребального ритуала во время войны традиционным нормам. В связи с этим уже после войны иногда происходило перезахоронение умерших по традиционному обряду [АИФФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т. 1. Л. 12, Л. 44].

После окончания войны особенное распространение получило почитание жертв войны — возложение венков и цветов к памятникам и братским могилам погибших во время войны в День Победы или 8 мая. Несмотря на существование установленного общегосударственного дня памяти жертв войны, в некоторых местностях Подвинья поминания погибших проходили и в другие дни. Так, в д. Перевоз Россонского района Витебской области, где распространена традиция поминать умерших на Троицу, поминовение погибшего партизана было приурочено к этому празднику (*Ай, проста, там жа [на горцы — А.У.] парцізан захаронены. Хадзілі на яго кажную Тройцу і гэтага парцізана паміналі* [Инф. 5]). Такая традиция существовала и в Шулятинском сельсовете того же Россонского района [Залескі, Іваноў 1960: 41].

Конец 1950-х гг. отметился новым всплеском обрядотворчества. В отличие от довоенного этапа, введение социалистической обрядности в этот период носило не стихийный, а плановый характер, где центральная роль принадлежала органам руководства. Однако в сфере погребально-поминальной обрядности эти процессы оказались несколько запоздалыми. Основное внимание комиссий по новым обрядам, общественности, органов государственного и партийного руководства было направлено на разработку и внедрение торжественной обрядности. Первые рекомендации для проведения гражданского обряда похорон появились только в 1970-е гг. Показательным выглядит и тот факт, что в публикациях того времени

о внедрении новых гражданских обрядов семейного цикла в жизнь белорусов региона вопросы о погребально-поминальной обрядности почти не затрагивались.

Внедрение гражданской погребальной обрядности в Беларуси в 1960–1980-е гг. происходило более интенсивно, чем в 1920–1930-е гг. В связи с этим уменьшилось количество похорон, проведенных в соответствии с церковным ритуалом. В середине 1970-х гг., согласно официальным данным, в Витебской области оно снизилось до 11% от всех похорон [НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 869. Л. 38]. Более стойко религиозный компонент сохранялся в западных районах Витебской области, особенно в сельской местности [НАРБ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 37. Л. 89; НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 802. Л. 167; Кухаренок 1988: 106]. С уменьшением количества похорон, проведенных с участием священников, значительно возрастает число заочных отпеваний. Так, в Полоцке, по официальным данным, в 1973–1974 гг. количество отпеваний в церкви было почти в 20 раз больше, чем непосредственных отпеваний во время погребения [ЗГАП. Ф. 658. Оп. 6. Д. 287. Л. 24; ЗГАП. Ф. 658. Оп. 6. Д. 376-а. Л. 44].

Как свидетельствуют источники, в послевоенный период среди белорусского населения Подвинья был распространен не столько сам гражданский безрелигиозный погребальный ритуал, сколько его отдельные элементы. Особенно популярным было использование духового оркестра при погребении умерших, что фиксировалось и в сельской местности [АИИЭФ. Ф. 8. Оп. 89. Д. 244. Т. 3. Л. 15; АИФФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Т. 1. Л. 6; АИФФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Т. 2. Л. 11, Л. 20]. Наличие духового оркестра на похоронах было средством, с помощью которого официальное руководство могло более активно внедрять новую гражданскую погребальную обрядность в деревне [НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 667. Л. 223]. Однако, как свидетельствуют источники, проведение гражданской панихиды с использованием духового оркестра иногда сочеталось с церковным отпеванием [НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 822. Л. 167].

Формирование советской гражданской обрядности предусматривало установление нового дня поминовения умерших, поскольку старые были приурочены к религиозным праздникам. В 1960–1980-е гг. предпринимались попытки по решению этого вопроса. День памяти

предлагали проводить 2 или 8 мая, в последнее воскресенье апреля или в первое воскресенье мая [Кухаронак 2001: 366], но все же день поминовения умерших в этот период не нашел своего оформления. Поминовение погибших в Великой Отечественной войне, которое происходило 8 или 9 мая, также не считалось днем памяти всех умерших. По данным этносоциологического исследования 1986 г. 95,6% сельских и 93,6% городских жителей страны продолжали почитать умерших в традиционные дни [Кухаренак 1988: 106].

Информанты

Инф. 1 — *П.Г.С.*, 31 год, род. и проживает в д. Речные Докшицкого р-на Витебской обл., зап. В. Овсейчик в 2009 г.

Инф. 2 — *С.С.П.*, 26 лет, род. и проживает в д. Стенка Докшицкого р-на Витебской обл., зап. В. Овсейчик в 2009 г.

Инф. 3 — *Я.Ф.И.*, 36 лет, проживает в д. Гайдуки Поставского р-на Витебской обл., зап. В. Овсейчик в 2009 г.

Инф. 4 — *П.Г.И.*, 35 лет, род. и проживает в д. Шо Глубокского р-на Витебской обл., зап. В. Овсейчик в 2010 г.

Инф. 5 — *К.Л.Д.*, 25 лет, род. и проживает в д. Перевоз Россонского р-на Витебской обл., зап. В. Лобач в 2009 г.

Сокращения

АИИЭФ — Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси.

АИФФ — Архив историко-филологического факультета ПГУ.

ЗГАП — Зональный государственный архив в г. Полоцке.

НПРБ — Национальный архив Республики Беларусь.

Литература

1905 год у Беларусі: зб. артыкулаў, успамінаў і матэрыялаў. Мінск: 1-я дзяржаўная друкарня, 1925.

Бачыўшая. Трымаецца за папоў // Віцебская сялянская газета. 1927. 16 кастрычніка. С. 4.

- Бич М.О., Манис Н.А.* Начало рабочего движения. Революция 1905–1907 гг. // Полоцк: Исторический очерк. Минск: Наука и техника, 1987. С. 111–120.
- Бялявіна В.М., Гурко А.У., Кухаронак Т.І., Ракава Л.В.* Святы // Беларусь. Т. 6: Грамадскія традыцыі. Мінск: Бел. навука, 2002. С. 299–598.
- Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Т. 1. Минск: Гос. изд-во БССР, 1957.
- Г-ч Я.* Абаронім заваёвы Кастрычніка // Беларуская вёска. 1927. 20 лістапада. С. 2.
- Залескі А.І., Іваноў У.М.* Новыя звычаі і абрады — у наш быт. Мінск, 1960.
- История рабочего класса Белорусской ССР: В 4-х т. Т. 1. Минск: Наука и техника, 1984.
- Клявін.* Пахавалі камунара // Віцебская сялянская газета. 1927. 16 кастрычніка. С. 4.
- Кухаренко Т.И.* Основные этапы и тенденции развития семейной обрядности в Белорусской ССР // Праздники и обряды в Белорусской ССР. Минск: Наука и техника, 1988. С. 93–109.
- Кухаронак Т.І.* Пахавальна-памінальныя звычаі і абрады // Беларусь. Т. 5: Сям'я. Мінск: Бел. навука, 2001. С. 351–369.
- Полищук Н.С.* Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // Советская этнография. № 6. 1991. С. 25–39.
- Праздники и обряды в Белорусской ССР. Минск: Наука и техника, 1988.
- Т-ский М.* Без попов // Витебская крестьянская газета. 1925. 19 февр. С. 5.
- Шпілеўскі П.М.* Беларусь у абрадах і казках. Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2010.